

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атнаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук
(Япония, Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук
(Россия, Благовещенск)

А. В. Поляков, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук
(Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук
(Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук
(Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационный номер ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. V. Polyakov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

The journal was approved by the Scientific and Technical Council of Altai State University and registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadkhor). Registration number PI No. FS 77-78911 dated 07.08.2020. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020 z.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)
E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Дашковский П. К.* Археолог, педагог, наставник: к 60-летию юбилею
Алексея Алексеевича Тишкина7
- Киреев С. М., Радовский С. С.* Сосуды с «трубчатым носиком-сливом»
в материалах Быстрянской и синхронных культур раннего железного века
Алтая.....42
- Мандрыка П. В., Юрьева В. В.* Образ хищной птицы в металлопластике культур
раннего железного века лесостепных и южно-таежных районов
Средней Сибири62
- Советова О. С., Сирюкин И. В.* Новое скальное захоронение на Тепсее82
- Шульга П. И.* Поясные бляшки Староалейской культуры: происхождение
и использование99
- Солодовников К. К., Дашковский П. К., Эрдэнэ М., Нечвалода А. И., Тур С. С.,
Кравченко Г. Г.* Краниологические материалы энеолита — ранней бронзы
северо-западной и юго-восточной периферии ареала афанасьевской общности:
к вопросам о территориально отдаленных родственных связях и о выделении
куротинского типа памятников 120

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* «Деревянный» огонь у чукчей 151
- Скрынникова Т. Д.* Титул «хаган» — маркер верховной власти в монгольской
летописной традиции184

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Марсадолов Л. С.* Сакральные образы древа, животных, богини и близнецов
у древних кочевников Евразии.....194
- Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.* Советская государственно-
конфессиональная политика в отношении религиозных общин Хакасской
автономной области во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг..... 218

- ДЛЯ АВТОРОВ**237

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P. K.</i> , Archaeologist, teacher, mentor: on the 60th anniversary of Alexey Alekseevich Tishkin	7
<i>Kireev S. M., Radovskiy S. S.</i> Vessels with a “tubular spout-drain” in the materials of the Bystryanskaya and Synchronous cultures early iron age Altai.....	42
<i>Mandryka P. V., Yurieva V. V.</i> The image of a bird of prey in the metal — plastic cultures of the early iron age of the forest-steppe and south taiga regions of Central Siberia.....	62
<i>Sovetova O. S., Siryukin I. V.</i> A new rock burial on Tepsey	82
<i>Shulga P. I.</i> Belt plaques of Staroaley culture: origin and usage.....	99
<i>Solodovnikov K. K., Dashkovskiy P. K., Erdene M., Nechvaloda A. I., Tur S. S., Kravchenko G. G.</i> Craniological materials of the eneolithic-early bronze age of the north-western and south-eastern periphery of the afanasiev community area: on the questions of territorially distant family relations and the identification of the kurotin type of sites.....	120

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A.</i> “Wooden” fire at the people of the chukchi	151
<i>Skrynnikova T. D.</i> The «khagan» title as a marker of supreme power in the Mongolian chronicle tradition.....	184

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Marsadolov L. S.</i> Sacred images of the Tree, Animals, Goddesses and Gemini at the ancient nomads of Eurasia	194
<i>Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N.</i> Soviet state-confessional policy in relation to the religious communities of the Khakass autonomous region in the second half of the 1970s — the first half of the 1980s	218

FOR AUTHORS	237
--------------------------	-----

УДК 395.3, 94 (517)

DOI 10.14258/nreur(2023)3–08

Т.Д. Скрынникова

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург

ТИТУЛ «ХАГАН» — МАРКЕР ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В МОНГОЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Иерархия властных отношений имела важное значение, когда верховный правитель обозначался специальным титулом: в монгольской политической культуре титулом *хаган*, заимствованным из традиции древнетюркских каганатов. Уже в XIII в., на раннем этапе монгольской истории, титул *хаган* легитимизировал право претендента на верховную власть в монгольском обществе: он «ведал всеми монголами». С образованием Чингис-хаганом Монгольской империи даже после ее распада титул *хаган* сохранялся за старшими потомками Золотого линиджа (алтан уруг) Чингис-хагана: тем самым подтверждалась генеалогическая преемственность и, соответственно, легитимность их власти над всеми монголами. Какими бы ни были успехи ойратов по завоеванию монголов, в монгольской летописной традиции они никогда не назывались хаганами, хотя претендовали на это, что свидетельствовало о признании нелегитимности их власти в монгольском мире. В то же время в монгольской летописной традиции мы обнаруживаем два примера, когда титул *хаган* приписывался не представителям старшей линии чингисидов. Первый связан с Халхой, которая была дана Даян-хаганом своему младшему сыну Гэрэсэндзэ. То, что, начиная с внука, его потомки стали называться *хаган ахай*, т. е. старшими хаганами, является свидетельством того, что к началу XVII в. Халха становится самостоятельным политическим актором. Другой пример связан с обозначением титулом *хаган* маньчжурских императоров, что подтверждает признание монголами своего подчиненного положения.

Ключевые слова: Золотой линидж (алтан уруг), Чингис-хаган, власть, верховный правитель, легитимация, ойраты, маньчжурский император.

Цитирование статьи

Скрынникова Т.Д. Титул «хаган» — маркер верховной власти в монгольской летописной традиции // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 184–193.

DOI 10.14258/nreur(2023)3–08.

T. D. Skrynnikova

Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of sciences, St. Petersburg

THE “KHAGAN” TITLE AS A MARKER OF SUPREME POWER IN THE MONGOLIAN CHRONICLE TRADITION

The hierarchy of power relations was of prime importance when a special title was used to designate the supreme rulers. In Mongolian political culture, the *khagan* title, adapted from the ancient Turkic khaganates tradition, was applied. Already known in the 13th c., e. g. the early stage of Mongolian history, this title legitimized the right of the claimant upon supreme power in the Mongolian society, i. e., right to be considered “the one being in charge of the Mongols”. Since the establishment of the Mongol Empire by Chinggis Khan, the title was retained by the senior descendants of the Golden Lineage (altan urug). This practice confirmed the genealogical continuity and legitimacy of their power over the Mongols. Thus, for example, regardless of the Oirats success in conquering the Mongols and their claim for the supreme power, they were never called khagans in Mongolian chronicles. The Mongolian chronicle tradition provides only two examples when the *khagan* title was applied to people non-representatives of the Chinggisid dynasty. The first one is related to Khalkha, which was given by Dayan Khan to his youngest son Geresenze. The fact that his descendants, starting from his grandson, were called *khagan akhai*, i. e., senior khagans, denotes that by the beginning of the 17th c. Khalkha had become an independent political actor. The title was also applied to the Manchu emperors, which confirmed the Mongols recognition of their subordinate position.

Key words: Golden Lineage (altan urug), Chinggis Khan, power, supreme ruler, legitimation, the Oirats, the Manchu emperor.

For citation:

Skrynnikova T. D. The “khagan” title as a marker of supreme power in the Mongolian chronicle tradition. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 3. P. 184–193. DOI 10.14258/nreur(2023)3–08.

Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** skryta999@mail.ru; ORCID.org/0000–0002–0674–2764.

Skrynnikova Tatiana Dmitrievna, doctor of historical Sciences, Professor, the Head of the Department of Central and South Asia of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS, Sanct-Peterburg (Russia). **Contact address:** skryta999@mail.ru; ORCID.org/0000–0002–0674–2764.

Введение

Актуальность данной темы объясняется важностью и необходимостью решения проблем признания легитимности власти, мотивировки законности власти единоличного правителя, в руках которого полностью или частично сосредоточена верховная власть в обществе. Власть делала возможным представление об обществе как об определенной целостности, она воплощала нормы мирового порядка и обеспечивала их соблюдение. Носитель верховной власти воспринимался как символ единства в обществе, рассматриваемом как единый организм.

Монгольская летописная традиция возрождается в XVII в., когда после трех веков забвения монголы проявляются на политической арене как активные акторы, что актуализировало возрождение тех констант политической культуры, которые способствовали институционализации социальных и политических структур и появлению новых форм властных отношений. Этому способствовала деятельность Мандухай-Сэцэн-хатун и Даян-хагана, начавшим объединение монгольских земель в XV в. Общеполитическая традиция сохраняла свою актуальность и в XVII в., обозначаясь и как *великий Монгольский улус*, и как *великий улус шести тумэнов*, позиционируя идентичность всей Монголии, где возростала роль верховного правителя.

Безусловно, иерархия властных отношений имела важное значение, когда верховный правитель обозначался специальным титулом: в монгольской политической культуре титулом *хаган*, заимствованным из традиции древнетюркских каганатов, где этот титул означал «верховный правитель, главный хан», часто являясь компонентом собственного имени — Алтан-хаган, Бильгэ-хаган и др. [Древнетюркский словарь, 1969: 405]. Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» отмечают относительную синонимичность титулов хаган и хан, признавая за последним более частное значение: «хан, правитель, повелитель, предводитель, владетель, государь» [Сравнительно-историческая грамматика, 1997: 666–667].

Первые хаганы монголов

Уже первый монгольский письменный памятник *Тайная история монголов* отмечает появление у монголов носителей титула *хаган*, что свидетельствует о существовании достаточно крупных сложносоставных этносоциальных объединений. Известно, что первыми хаганами монголов были Хабул-хаган и Амбагай-хаган, о которых автор *Тайной истории монголов* говорит, что они «ведали всеми монголами»: «§ 52 **qamuq mongqol-i qabul-qahan meden aba qabul-qahan-nu qoyina qabul-qahan-nu üge-ber dolo'an kö'üd-iyen bö'etele senggüm-bilge-yin kö'ün ambaqai-qahan qamuq mongqol-i meden aba**» [Racheviltz, 1972: 22] «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, хотя он и имел семь сыновей, по его слову всеми монголами ведал Амбагай-хаган, сын Сэнгум-Билгэ» (пер. мой. — Т. С.). «Все монголы» (*qamuq mongqol*) — это, в сущности, общество групп, возглавляемых потомками Бодончара согласно генеалогии (действительной или мнимой); хаган избирался на совете равными себе главами этих сообществ для организации облавных охот и проведения военных действий, что и было оговорено при избрании Темучжина ханом в 1201 г., когда он также был назван «владыкой улуса» (*ulus-un ejen*) и наречен хаганом. Анонимный автор *Тайной истории монголов*

перечисляет всех, кто пришел к Темучжину [Козин, 1941: 107–108], и сообщает следующее: «Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и све прочие и сказали Темучжину: ‘Мы решили поставить тебя **ханом** (здесь и ниже выделено мной. — Т. С.). Когда же станет у нас **ханом** Темучжин, вот как будем мы поступать: то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекраснolanитных жен и девиц, прекрасных статей мерингов. При облавах на горного зверя будем быделять тебе половину, боюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдевать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна. В дни, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу. В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в безхозяйственной (безбожной) земле!’». Так они высказались, такую присягу приняли, Темучжина же нарекли **Чингис-хаганом** и поставилили **ханом** над собою» [Козин, 1941, 108–109].

Мы видим, что, как и древнетюркской политической культуре, титулы **хан** и **хаган** синонимичны: автор сообщает нам, что лидеры разных этносоциальных сообществ выбрали себе общего правителя. Но то, что они обозначили его титул как хаган, подчеркивает, что ему вручено управление всеми монголами.

Значение генеалогии

С возрождением политической активности монголов с XV в. актуализировались и символические маркеры верховной власти. Прежде всего одним из важнейших символов является маркер идентичности властвующей элиты, претендующей на владение всеми монголами — этноним *борджигин* (*borjigin*), которым обозначались потомки Чингис-хана: «потомки хагана назывались „линидж Борджигин”» (пер. мой. — Т. С.) (монг. *qayan-u ür-e Borjigin-u uruü nereyidbei*) [Erdeni-yin tobci 1990: 122]. В XVII в. появляется новый концепт — *altan uruü* («Золотой линидж»), который закреплял верховную власть монголов за потомками Чингис-хана. Появление нового концепта *altan uruü* усиливает потестарный сюжет повествования, им акцентируется продинастически ориентированный имперский метанарратив, подтверждая право на власть потомков Чингис-хана. И патрилинейное родство уже фиксировало как «Золотой линидж» Чингис-хана (монг. *singgis qayan-u altan uruü*) [Kollmar-Paulenz 2001: 152] род *borjigin*. Принадлежность к линиджу Чингис-хана позволяла представителям старшей линии *borjigin* претендовать на трон и получить титул *хаган*, которым мог маркироваться носитель верховной власти над всей Монголией.

Таким образом, титул *хаган* остается значимым символом верховной власти и после смерти Чингис-хана и распада созданной им империи, именно в титуле *хаган* воплощалась идея политического единства монголов. Это определялось ориентацией средневекового сознания на прошлое, когда современную историю координировали по какому-либо историческому событию, монголы прежде всего по Чингис-хану и созданной им империи. Наследственная верховная власть позиционируется как важнейшее средство, которое способно обеспечить определенный тип этнополитического единства. Летописи XVII в., зафиксировавшие состояние взаимоотношений внутри обще-

монгольского мира (от борьбы за власть между отдельными группами до некоторой степени объединения их в борьбе против ойратов и китайцев), отмечают постоянную актуальность даже в период «малых ханств» титула *хаган*, носителем которого был потомок Чингис-хана.

Счет велся на поколения, причем в каждом из них отмечался законный носитель верховной власти — наследник Чингис-хана. Например, в летописи *Erdeni tunumal* о периоде от Тогон Тэмуря, последнего монгольского императора династии Юань, принадлежавшего «Золотому линиджу сына Неба Чингис-хана», до Болху-джинона, отца Даян-хагана, говорится: «С тех пор и до сегодняшнего дня было несколько поколений ханов» (монг. *Tegün-ece inaysida kedün kedün üy-e boltal-a*) [Kollmar-Paulenz, 2001: 152]. Такой счет летописцы соблюдали, реконструируя генеалогию, даже в том случае, когда примогенитурный принцип передачи власти нарушался. Так, эту летопись заключает генеалогия, в которой Даян-хаган является потомком Чингис-хана в тринадцатом поколении, а потомком Тогон Тэмуря — в шестом поколении. Третьим после Тогон Тэмуря был Аджай-тайджи, который был сыном Харгуцаг Дуурэн тайджи, сына Усхал-хагана и внука Тогон Тэмуря. [Kollmar-Paulenz, 2001: 216]. Тогда как, согласно *Шара туджи*, Аджай-тайджи был сыном Элбэг-хагана. Девятым после Тогон Тэмуря «оставшимися монголами правил потомок Владыки (т. е. Чингис-хагана. — Т. С.) Адай-тайджи» [Желтая история, 2017: 85]. Это показывает, что механизмом подтверждения легитимности его прихода к власти стало соотнесение Адай-тайджи с Чингис-ханом в качестве его потомка. Хотя на самом деле это не соответствовало истине. «Адай (Атай, 1390–1433) был ханом монголов в 1426–1433 гг. Его происхождение неясно. В некоторых источниках он назван потомком Отчигина, младшего брата Чингис-хана, а в других — потомком Хасара, сыном Элбэг-Нигулэсугчи, сыном Угэчи-хасхи или сыном Эсэху» [Желтая история, 2017: 119].

Для выявления идентификационных практик можно не принимать во внимание эти разночтения, поскольку феноменологической реальностью является тот факт, что несмотря ни на что, авторы хроник возвращались постоянно к одной теме — манифестации принадлежности верховного правителя к *алтан уруг* (Золотому линиджу) Чингис-хана в наследовании власти.

Ойратские правители

Как уже говорилось, присвоение титула *qaγan* легитимизировало претензии на верховную власть старших потомков Чингис-хана, что согласовывалось с монгольской политической традицией, выработанной уже в XIII в. Титул *qaγan* (глава всех монголов) сохранялся за старшими потомками Чингис-хана вплоть до смерти последнего из них — Лигдэн-хагана.

Именованье того или иного правителя хаганом означало признание его верховным правителем монголов, во-первых, а во-вторых, подтверждало его легитимность. Это довольно выразительно представлено в нарративах о подчинявших себе монголов ойратских лидерах, которые никогда в летописной традиции не обозначались титулом *хаган*. Это повествования о двух ойратских правителях Тогон-тайши и Эсэн-тайши.

Захватив монголов, Тогон-тайши отправился к Восьми белым юртам¹, где, как известно, проходила интронизация претендента на престол. «Тогон-тайши, обойдя Белые юрты Владыки (Чингис-хана. — Т. С.), сказал поношение: „Ты — великий-суту, А я — сын Сутай!”. [Тут же] стрелы, бывшие в колчане Владыки, зазвенели, а из носа и рта Тогона пошла кровь. ...„Сын Сутай, я убит Владыкой богдо”, — сказал и умер» [Желтая история, 2017: 85].

Мы видим, что несмотря на то, что Тогоон к своим ойратским владениям присоединил еще и монголов и сел на трон, авторы летописей по-прежнему называли его Тогон-тайши как главу ойратов. Более того, его желание освятить свою победу посещением священных Восьми белых юрт привело его к смерти, можно сказать, от самого Чингис-хана.

После этого, как сообщают монгольские летописи, Эсэн-тайши сел ханом (qan saγuju). Следовательно, монгольская летописная традиция сохраняет значение титульной иерархии: поскольку Эсэн-тайши не был легитимным главой всех монголов, его не считали хаганом. В то же время ойраты, говоря между собой, называют Эсэна хаганом. «После этого Алаг Тэмур-чинсан правого крыла и Хатан Тэмур левого крыла сказали: „Эсэн, ты сел хаганом (esen ci qaγan saγuba). Свой титул тайши дай нам”. [В ответ] на эти слова он сказал: «Свой титул я отдал своему сыну» и не дал им. Они сказали: „Благодаря богатырству Алаг Тэмюра, твердой решимости Хатан Тэмюра и способностям Абдара-сэцэна ты взял власть монголов и ойратов и сел хаганом. Разве только своими силами сделал?”. Собрав войско, напали. Эсэн сбежал, а его жену, сына, вещи и скот захватили. После этого Эсэн-тайши изможденный бродил в одиночестве и пришел к дому жены Сурсуна. Когда он выходил, выпив кумыса, жена Сурсуна, увидев его, сказала: „Походка этого человека как и походка ядовитого Эсэна: переваливается с боку на бок”. На эти слова матери сын сказал: „Как можно дойти до такого?”. Мать ответила: „Говорят, что Эсэн-тайши сам разрушил мир”... Когда после этого он опять пришел, Эсэна узнали, схватили и Бугун, сын Сурсуна, схватил и убил его» [Золотое сказание, 2005: 49].

Этот отрывок подтверждает правило политической культуры монголов, нашедшее отражение в летописной традиции: титул *хаган* является подтверждением легитимности претендента, воплощавшего верховную власть. То, что монгольский анонимный автор хроники Алтан тобчи продолжает называть ойратских правителей по-прежнему с их титулом тайши, указывает на нелегитимность претензий Тогона и Эсэна на верховную власть в монгольском мире, согласно традиции политической культуры.

Этот факт представляется еще более интересным и важным, если мы обратим внимание на то, как называет автор находящегося в ойратском плену китайского правителя. Автор Алтан тобчи сообщает: «захватили Даймин-хагана (императора династии Мин. — Т. С.). ... Хагана извлекли из ямы и, когда пытались разрубить, тело не поддавалось, а меч развалился на части, которые попадали. Когда [Джинтай-хагана] бросили в воду, он не тонул, а плавал. Убить не смогли и согласно предзнаменованию Джинтай-

¹ Восемь белых юрт — мемориальный комплекс, установленный в период правления Хубилая (династия Юань) в Эдзэн-хоро в Ордосе. По сведениям монгольских летописей, в нем хранились реликвии Чингис-хагана: колчан со стрелами, одежда, чулки, волосы и др. Сейчас это мавзолей, состоящий из нескольких зданий.

хагана отдали Эсэн-Сами. ... и он служил у Эсэн Сами из юншиебу. Хотя в этом улусе не было бескормицы, болезней и эпидемий, человек, у которого он служил, был недоволен. Когда он засыпал, из его тела исходил свет» [Золотое сказание, 2005: 49]. В этом повествовании именование его верховным монгольским титулом *хаган* маркировало его статус в китайской иерархии — как верховного правителя. Автор повествования дополнительно подчеркнул силу его харизмы: благодаря ей он сохранил не только собственную жизнь, но и обеспечивал гармонию природы и социума того народа, где он жил.

Хаганы Халхи

Поскольку правители Халхи, Северной или Внешней Монголии, не были старшими сыновьями в линидже Чингис-хана и не могли быть верховными правителями всей Монголии, то они не имели формального права на интронизацию у Восьми белых юрт в Ордосе и на получение титула *qaγan*. Но этот принцип традиционной монгольской политической культуры сохранялся лишь два поколения. Если первоначально Гэрэсэндзэ¹ и его старший потомок носили титул *хунтайджи*, а другие обозначались титулом *нойон*, то уже внуки Гэрэсэндзэ маркировались титулами *qaγan/qaγan*. Данные халхаских нативных источников XVII в. подтверждают тот факт, что и в Халхе становится актуальной маркировка верховного правителя региона титулом *хаган*. Следует обратить внимание на пункт закона 1620 г.: «5. Если несколько великих и малых нойонов, имеющих отоки на левом и правом крыле [владений] Хана-ахая (точнее: *Хаган-ахая* — *qaγan aqai*. — Т. С.), переменят место кочевья, взять [с них] пятьдесят лошадей и пять верблюдов» [Восемнадцать степных законов², 2002: 54]. Здесь действует тот же принцип: хаганами, т. е. титулом, маркировавшим верховное лидерство, могли именоваться только потомки Ашихая, старшего сына Гэрэсэндзэ, позднее Дзасаку-хаганы. Манифестируется верховный статус старших потомков Гэрэсэндзэ как глав Халхи или через маркер *Хаган-ахай* («Старший хан») в законе 1617 г. или *Хаган-ахай Золотого линиджа* в законе 1620 г., который зафиксирован в «18 законах» как титул Субантай Дзасаку-хагана, представителя старшей линии наследования Гэрэсэндзэ, титул которого закрепился за его наследниками. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что это является свидетельством претензий на политическую самостоятельность Халхи: старший представитель потомков Гэрэсэндзэ наделяется титулом хаган, подтверждающим его лидерство в своем регионе еще при жизни верховного правителя монголов Лигдан-хагана, погибшего в 1636 г. Ведь старшие потомки Гэрэсэндзэ называются хаганами в законах, принятых всеми князьями Халхи, что подтверждает легитимность их претензий.

Маньчжурские императоры — хаганы

Традиция обозначать верховного лидера титулом *хаган* сохранилась и после того, как монголы были завоеваны маньчжурами и вошли в состав Китая. Официально маньчжурский император, верховный правитель Китая, именовался соответственно (хуанди), что нашло отражение в написанной в середине XIX в. Галданом-тусалагчи рукописи *Эр-*

¹ Гэрэсэндзэ был младшим сыном Даян-хана, получившим во владение Халху.

² *Восемнадцать степных законов* — это памятник монгольского права XVI–XVII вв., в котором собраны законы, принятые князьями трех, четырех, шести и семи хошунов Халхи.

дэнийн эрихэ. Следует обратить внимание на то, что официальный титул маньжурского императора упоминался тусалагчи Галданом редко, и только с этим титулом в тексте мы встречаем указание на обладание императором сакральной субстанции (*sutu, sūr*), дающей ему легитимное право на верховную власть, согласно монгольской традиционной политической культуре. «За сим во второе лету Дэгэду-эрдэмту, в год красной мыши (1637) халхаские: тушэту хан *Гомбо-дорджи*, сэцэн хан *Шолой* и цзасаку хан *Субуди* представили доклад о добром соединении с маньжурским императором, тай-цзуном, светлым и величественным хуанди». («*Taitszung gegen sutu quvangdi*»). Галдан-тусалагчи, оценивая события 80-х гг. XVII в., писал, что примирение князей правого и левого крыльев в Хурэн-бэлчире произошло благодаря «удивительной харизме и мудрости императора (пер. мой. — Т. С.)». (монг. *quvangdi-yin γayiqamšiy-tu sūr erdem-ece* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 21]).

Гораздо чаще по отношению к императору в монгольских летописях употреблялся характерный для монгольской политической культуры маркер верховной власти — титул *qayan*. Единственное отличие заключается в том, что место интронизации — престол не обозначается характерным для монгольской традиции «великим престолом» (*yeke oγon*): «В год воды и барса (1662) сел на престол император Энхэ Амугулан» [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 59]. В монгольском тексте более точно написано следующее: «*Engke amuyulang qayan širegen-tü saγuji*» [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 7].

Часто титул *qayan* сочетался с другими словами, указывавшими на его исключительное качество. Например, маньжурский император обозначается также как Великий хаган (*Yeke Qayan* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 6]) или Верховный хаган (*Degedü Qayan* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 9, 11]).

Особого внимания заслуживают дополнительные слова-маркеры *gegen* и *boyda*. Выше говорилось о том, что только маньжурский император был отмечен тусалагчи Галданом как обладатель харизмы, одним из внутренних свойств которой, как известно, было сияние, свет. Потому становится возможным обозначение маньжурского императора титулами, содержащими указание на это качество: Светлость хагана (*Qayan-u gegen* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 39]) или Светлость великого богдо хагана (*Yeke boyda qayan-u gegen* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 23]).

Следует заметить, что значение включенного в последнюю титулатуру термина *boyda* было выработано еще в рамках традиционной политической культуры. Оно может переводиться как святой, августейший, верховный. Уже в *Тайной истории монголов* мы встречаем его в нескольких случаях. Например, этим маркером отмечены Бодончар-богда [Козин, 1941: 107], Богда-анда — Чингис-хан [Козин, 1941: 154] — персоны, в различной степени наделенные исключительными качествами. Маньжурский император также удостоился обозначения этим термином: *Boyda* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 28] или Богда-владыка (*Boyda ejen* [Эрдэнийн Эрихэ, 1883: 18, 20, 23, 28, 37, 39]). *Boyda* и *Boyda ejen*, как и выше упоминаемые *qayan-u gegen*, употребляются как маркеры, которые подчеркивают сакральность верховной власти маньжурского императора.

Безусловно, титул *хаган* не входил в официальную титулатуру маньжурских императоров, но использовался монгольскими летописцами как знак признания того, что монголы являлись подданными маньжуров, а маньжурский император считался их верховным правителем.

Заключение

Можно говорить о том, что титул *хаган* играл важную роль в идентификационных практиках монгольской политической культуры, указывая на легитимность власти его носителя в монгольском мире. С XIII в., с начала образования первых крупных этносоциальных союзов монголов, титул *хаган* стал использоваться для обозначения верховного правителя этих объединений. После падения династии Юань в 1368 г. и распада монгольской общности титул *хаган* сохранял значение легитимного маркера верховной власти, закрепленной за старшим потомком Чингис-хагана. Именно поэтому ойратские правители Тогон и Эсэн, захватившие главные части монголов и претендовавшие на верховную власть над ними, в контексте монгольской политической культуры не считались верховными правителями и не имели права называться хаганами.

В связи с распространением среди монголов буддизма с XVI в. возрожденное летописание развивалось в соответствии с буддийской традицией, согласно которой монгольские правители являлись наследниками верховной власти правителей Индии и Тибета, которые в монгольских текстах называются хаганами. Монгольские правители, согласно генеалогии, реальной или фиктивной, принадлежавшие к старшей линии Золотого линиджа Чингис-хагана и «ведавшие всеми монголами», традиционно назывались хаганами даже во времена распада всемонгольской общности и вплоть до правления последнего верховного правителя монголов Лигдан-хагана в 1636 г.

Если ойратские правители, несмотря на то, что они покорили значительную часть монголов, не назывались в монгольской летописной традиции хаганами, что соответствовало правилам монгольской политической культуры, согласно которой ими могли быть только старшие потомки Золотого линиджа Чингис-хагана, кочевавшие в Южной Монголии, то следует обратить внимание на то, что носители титула *хаган* появились начале XVII в. в Северной Монголии, в Халхе, которая была выделена Даян-хаганом своему младшему сыну Гэрэсэндзэ. Если Гэрэсэндзэ и его следующий старший потомок назывался хунтайджи, то уже его внук по старшей линии наследования власти носил титул *хаган ахай*, т. е. старший хаган, что, безусловно, было свидетельством того, что Халха представляла собой самостоятельное политическое образование, а титул являлся маркером, легитимизирующим статус старших потомков, которые также принадлежали Золотому линиджу Чингис-хагана.

В 30-е гг. XVII в. с гибелью последнего всемонгольского хагана Лигдана власть над монголами перешла к маньчжурскому императору. И монгольские летописцы, признавая этот факт подчинения, называют хаганами маньчжурских императоров, хотя этот титул не входит в их официальную титулатуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.

Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.

Желтая история (Шара туджи). М. : Наука — Восточная литература, 2017. 407 с.

Золотое сказание // История в трудах ученых лам. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2005. 275 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. // Труды института востоковедения. Т. XXXIV. М. ; Л., 1941. 620 с.

Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихе». Материалы по истории Халхи. 1636–1736. СПб., 1883. 413 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 1997. 800 с.

Kollmar-Paulenz, Karenina. *Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen / Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert.* Wiesbaden.: Harrassowitz Verlag, 2001. 390 s. (на англ. яз.).

Rachewiltz I. de. *Index to the Secret History of the Mongols.* — Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 121. Bloomington, 1972. 352 p. (на англ. яз.).

Sagan Secen. *Erdeni-yin tobci (“Precious summary”). A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga Text Transcribed and Edited by M. Go, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan.* Vol. 1. Canberra.: 1990. 270 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

Drevnetyurkskiy slovar' [Old turkic dictionary]. L.: Nauka, 1969, 676 p.

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaya hronika 1240 g.* [The Secret Legend: the Mongolian Chronicle of 1240] // Trudy instituta vostokovedeniya. Vol. XXXIV. M.; L. 1941. 620 p. (in Russian).

Mongol'skaya letopis' “Erdeni-yin erihe”. *Materialy po istorii Khalki 1636–1736* [Mongolian chronicle “Precious Rosary”. Materials on the history of Khalkhi 1636–1736]. SPb. 1883, 413 p. (in Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. M. : Nauka, 1997, 800 p. (in Russian).

Vosemnadcat' stepnyh zakonov [Eighteen steppe laws]. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 2002, 160 p. (in Russian).

Zheltaya istoriya [Yellow History]. M.: Nauka — Vostochnaya literatura. 2017, 407 p. (in Russian).

Zolotoe skazaniye [The Golden story]. *Istoriya v trudakh uchonykh lam* [History in the works of learned Lamas]. M. : Tovarishchestno nauchnykh izdaniy KMK, 2005, 275 p. (in Russian).

Kollmar-Paulenz, Karenina. *Erdeni tunumal neretü sudur* [Sutra, named Precious Clarity]. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen / Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden.: Harrassowitz Verlag, 2001. 390 p. (in German, in English).

Rachewiltz I. de. *Index to the Secret History of the Mongols.* *Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series.* Bloomington. 1972, vol. 121, 352 p. (in English).

Sagan Secen. *Erdeni-yin tobci (“Precious summary”). A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga Text Transcribed and Edited by M. Go, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan.* Canberra. 1990, vol 1, 270 p. (in English).

Статья поступила в редакцию: 10.06.2023

Принята к публикации: 22.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023